УДК 338.24 (571.62)

Регион: экономика и социология, 2018, № 4 (100), с. 42–68

Н.Н. Михеева

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ

В статье проанализированы подходы к определению структурной политики и ее региональных аспектов. Оценено влияние сдвигов в отраслевой структуре занятости и производства на макроэкономические показатели макрорегионов (федеральных округов) для периодов интенсивного роста и стагнации экономики. Дан прогноз развития макрорегионов при условии реализации структурно-инвестиционной политики. Основная гипотеза исследования состоит в том, что реализация региональных приоритетов структурно-инвестиционной политики может обеспечить повышение темпов экономического роста, в том числе выход к 2024 г. на темпы, предполагаемые указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. Методология работы основана на применении метода структурных сдвигов и оценки коэффициентов диверсификации. Для прогнозирования макроэкономических параметров регионов использованы межрегиональные структурно-динамические модели. Оценка вклада факторов в динамику валового регионального продукта и обрабатывающих производств показала доминирующую роль общенациональных факторов для периода высоких темпов роста. В условиях стагнации усилился вклад региональных факторов. Анализ отраслевой структуры обрабатывающих производств не обнаруживает прямой связи между изменением уровня диверсификации и темпами экономического роста ни в условиях роста экономики, ни в условиях стагнации. При низких темпах роста структурные сдвиги в обработке сопровождались снижением технологического уровня производства. Показано, что пропорции пространственно-отраслевого распределения инвестиций, накопленных в экономике с 2000 г., сфор-

мированные сложившейся экспортно-сырьевой моделью экономики, не соответствуют современным приоритетам развития страны. Определены приоритеты структурно-инвестиционной политики, реализация которой обеспечит к 2024 г. темпы роста, превышающие среднемировые, и устойчивый рост экономики в дальнейшем.

Ключевые слова: структурная политика; экономический рост; метод структурных сдвигов; диверсификация структуры производства; региональные приоритеты структурной политики; прогноз развития федеральных округов

Дискуссия о путях и методах стимулирования экономического роста в очередной раз привлекла внимание к проблеме структурных реформ. С интервалом в несколько месяцев опубликованы две крупные работы [12; 13], посвященные структурной политике, которая должна обеспечить формирование структуры экономики, отвечающей современным вызовам. Указанные работы существенным образом различаются подходами к формированию и реализации структурной политики и представляют, по сути, два альтернативных пути осуществления структурных реформ.

Сформулированные Президентом РФ изначально в его Послании Федеральному собранию и развитые в Указе № 204 от 7 мая 2018 г. (далее – Указ-2018) национальные цели и стратегические задачи развития России на период до 2024 г. направлены на прорывное научно-техническое и социально-экономическое развитие страны, они охватывают все ключевые сферы экономики, включая структурную перестройку экономики и социальной сферы. В связи с этим перед структурной политикой ставятся новые задачи, решение которых должно обеспечить выполнение Указа-2018.

Инструментом реализации структурных реформ является структурная политика, под которой в литературе[1] понимается широкий спектр регулирующих воздействий государства. В монографии кол-

[1] В работах [12; 13] представлены подробные обзоры российских и зарубежных источников и дан сравнительный анализ определений «структурная политика», «промышленная политика», «индустриальная политика», однако общепринятого определения нет, в каждой конкретной работе оно уточняется.

лектива ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [12] структурно-инвестиционная политика рассматривается как ключевой компонент экономической политики, представляющий собой «комплекс мер, которые нацелены на сглаживание диспропорций отраслевого, технологического и пространственного характера, затрудняющих взаимодействие между секторами экономики и не устраняемых традиционными рыночными механизмами, и которые включают систему целенаправленных действий по развитию механизмов финансирования инвестиций в основной капитал» (с. 7). Структурно-инвестиционная политика выполняет функцию механизма обеспечения высокого качества экономического роста, включая достижение устойчивой экономической динамики, повышение уровня жизни населения. Экономическую основу механизма, обеспечивающего указанные взаимодействия, составляют целевые инвестиции, направляемые прежде всего в развитие средне- и высокотехнологичных производств и видов экономической деятельности.

В докладе Высшей школы экономики [13] понятие структурной политики используется в более общем смысле: структурная политика понимается как аналог промышленной политики, как «действия государства, направленные на улучшение бизнес-среды и (или) улучшение структуры экономической активности в секторах и (или) технологических областях, которые обеспечат лучшие перспективы для экономического роста и создания общественных благ по сравнению с отсутствием вмешательства государства» (с. 5). Структурная политика в этом случае рассматривается преимущественно с точки зрения улучшения бизнес-среды, тогда как структурно-инвестиционная политика ориентирована прежде всего на использование мер прямого государственного регулирования.

Особенностью двух указанных работ, отличающих их от большинства публикаций, посвященных данной тематике, является включение в анализ региональных аспектов формирования и реализации структурной политики. Структурная политика как одно из направлений макроэкономической политики по своему содержанию является политикой федерального уровня, возможности ее использования на региональном уровне весьма ограниченны, результаты ее осуществления

заметно различаются в зависимости от масштаба экономик регионов и их структурных особенностей. При этом реализация общенациональных структурных приоритетов за счет учета (или неучета) региональных особенностей может стать для конкретных регионов как дополнительным источником роста, так и источником проблем, решать которые, возможно, придется за счет общенациональных ресурсов.

В работах [10; 12] региональную структурно-инвестиционную политику предлагается формировать как селективную политику и использовать ее как инструмент для стимулирования экономического роста на уровне регионов путем формирования перспективной территориальной структуры производства, распределения трудовых и инвестиционных ресурсов.

В рамках подхода ВШЭ структурную политику предполагается строить дифференцированно по отношению к субъектам РФ, характеризующимся полиотраслевой специализацией, и к территориям с ограниченным набором отраслей специализации. Для этого требуется сформировать инструментарий гибкого регулирования и оптимизации распределения рисков при поддержке из федерального бюджета молодых, «экспериментальных» отраслей. Акцент в этом случае делается на преимущественное использование институциональных инструментов государственного регулирования, при этом признается, что предпосылки успешной структурной политики носят выраженный субъективно-личностный характер, что обусловливает ее высокую зависимость от политических, субъективных и организационных факторов.

Структурная политика по своим целям и содержанию является долгосрочной, поскольку структурные пропорции экономики инерционны и мало меняются во времени. В полной мере это относится к пространственной структуре. Тем не менее направления и интенсивность структурных сдвигов в условиях роста экономики и в условиях ее стагнации различаются. Ниже определены соотношения вклада общенациональных и региональных факторов в экономический рост, рассмотрены тенденции структурных сдвигов на уровне крупных макрорегионов (федеральных округов), а также некоторые направления реализации структурной политики с позиции оценки их влияния на экономический рост.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Изменения структуры экономики в регионах обусловлены действием трех групп факторов: динамикой национальной экономики, региональной структурой производства (соотношением быстро и медленно растущих отраслей) и другими особенностями экономики региона, включая отраслевые уровни производительности труда. Для оценки вклада национальных и региональных факторов в показатели региональной динамики использовался метод структурных сдвигов [16; 18; 19], основная идея которого состоит в разложении приростного регионального показателя на три составные части: национальный компонент (NS), компонент отраслевой структуры (отраслевой сдвиг MS) и региональный компонент (региональный сдвиг RS). Вклад суммы региональных факторов (MS+RS) положителен, если темп роста в регионе выше национального, и отрицателен в противном случае; величина вклада региональных факторов (в абсолютном выражении) тем больше, чем больше отклонение регионального показателя от национального[2].

Сдвиги в отраслевой структуре экономики традиционно рассматриваются на основе статистики распределения занятости и создаваемых доходов (валовой добавленной стоимости – ВДС). Интенсивность и направления структурных сдвигов различаются для периода интенсивного роста, имевшего место практически во всех субъектах Федерации в 2000–2007 гг., и периода низких темпов в 2014–2016 гг., когда экономика находилась под сильным влиянием изменившихся внутренних и внешних условий, включая санкционный режим.

Из-за известных особенностей российского рынка труда динамика и региональная структура занятости слабо связаны с показателями производства ВДС и объемами выпуска. Рост экономики в 2000–2007 гг. сопровождался ростом численности занятых в экономике, прирост занятости был положительным во всех федеральных

[2] См.: *Михеева Н.Н.* Структурные факторы региональной динамики // Пространственная экономика. – 2013. – № 1. – С. 11–32.

округах. Для периода низких темпов роста (2008–2014 гг.[3]) положительная динамика отмечалась только в Северо-Кавказском и Центральном округах, однако оценка вклада национального и региональных факторов в динамику занятости для обоих периодов оказалась идентичной оценкам, сделанным ранее[4]. Доминирование национальных факторов было абсолютным для динамики занятости во всех округах, исключая занятость в Северо-Кавказском округе.

Вклад структурных факторов для динамики производимой валовой добавленной стоимости оказывается различным в условиях высоких темпов роста и в условиях стагнации. Период 2004–2007 гг.[5] отличался интенсивным и практически повсеместным ростом, среднегодовой темп прироста суммарного по России ВРП составил 8,1%. По имеющимся оценкам, примерно половина прироста была обеспечена за счет роста мировых цен на энергоресурсы [3; 11; 14], тем не менее темпы прироста реальной экономики составляли около 4–5%. Основными драйверами роста выступали торговля, операции с недвижимостью, строительство. При этом наблюдалось сокращение занятости и доли в валовой добавленной стоимости сельского хозяйства, обрабатывающих и добывающих производств. Минимальные темпы роста ВДС отмечались в образовании, здравоохранении, энергетике.

Кризис 2014–2015 гг. отличался динамикой и структурными пропорциями от предыдущего кризиса [3–5; 7], поскольку падение мировых цен на энергоресурсы наложилось на кардинальное изменение внешних условий. Появившиеся в 2016 г. признаки восстановления экономического роста не изменили общей ситуации. Экономика 2014–2016 гг. характеризовалась низкими темпами роста ВРП, сокра-

[3] Приведены данные за 2008–2014 гг., поскольку статистика занятости за 2015–2016 гг. разработана Росстатом по новой методологии и несопоставима с данными за 2000–2014 годы.

[4] См.: *Михеева Н.Н.* Структурные ограничения и возможности роста регионов в новых условиях // Труды Гранберговской конференции, 10–13 октября 2016 г., Новосибирск. Междунар. конф. «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность»: Сб. докл. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 60–67.

[5] Статистика ВДС в разрезе 15 видов экономической деятельности по субъектам РФ публикуется с 2004 г.

щением численности занятых, а также сменой лидирующих по темпам роста ВДС отраслей. В числе лидеров оказались сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых. Более высокие, чем в среднем по экономике, темпы роста сохранялись в финансовой деятельности, операциях с недвижимостью, государственном управлении. Минимальные приросты ВДС отмечались в торговле и обрабатывающих отраслях.

В период экономического роста доминирование общенациональных факторов оказалось абсолютным для динамики ВРП во всех округах (табл. 1). Исходя из отмеченных выше тенденций, характерных для отраслевой структуры 2004–2007 гг., максимальные значения вклада отраслевых факторов должны отмечаться в регионах с наиболее быстрым ростом непромышленных видов деятельности, торговли и рыночных услуг. Действительно, максимальный положительный вклад в прирост индекса ВРП внесла отраслевая структура производства в Центральном федеральном округе, темпы роста ВРП в котором уступали только темпам Северо-Кавказского округа. Положительным

Таблица 1

Вклад национального и региональных факторов в показатели прироста ВРП федеральных округов

Федеральный округ	Прирост индекса ВРП в 2007 по сравнению с 2004 за счет					Прирост индекса ВРП в 2016 по сравнению с 2013 за счет				
	NS	MS+RS	MS	RS	Всего	NS	MS+RS	MS	RS	Всего
ЦФО	27,1	4,1	4,2	–0,1	31,2	1,2	0,1	–0,8	1,0	1,3
СЗФО	27,1	–1,5	0,9	–2,4	25,6	1,2	2,9	–0,1	3,0	4,1
ЮФО	27,1	0,7	0,0	0,7	27,8	1,2	0,8	–0,2	0,9	2,0
СКФО	27,1	5,4	–2,4	7,8	32,5	1,2	4,1	–0,8	4,9	5,3
ПФО	27,1	–3,4	–2,0	–1,4	23,7	1,2	–0,7	0,6	–1,3	0,5
УрФО	27,1	–1,0	–5,0	4,0	26,1	1,2	–3,1	1,2	–4,3	–1,9
СФО	27,1	–6,4	–2,3	–4,2	20,7	1,2	–0,6	0,6	–1,1	0,6
ДВФО	27,1	–6,4	–0,8	–5,6	20,7	1,2	1,8	0,4	1,4	3,0

Источник: расчеты автора.

вклад отраслевой структуры ВДС оказался в Северо-Западном округе, у которого существенный вклад в динамику внесло развитие быстрорастущих отраслей в Санкт-Петербурге. Для всех остальных округов вклад отраслевой структуры был отрицательным. Наиболее сильное влияние этот фактор оказал на динамику экономического роста Уральского округа, в структуре производимой ВДС которого доминируют нефтегазодобывающие регионы. Для округов, у которых темпы роста были ниже средних по экономике, отрицательный вклад в динамику внесли оба региональных фактора: структура производства в регионе и особенности хозяйства региона.

Для периода низких темпов соотношение общенациональных и региональных факторов динамики оказывается противоположным. В половине федеральных округов вклад региональных факторов был выше, чем вклад национального фактора, причем такая ситуация характерна как для округов с наиболее высокими темпами роста, так и для Уральского округа, в котором условия 2014–2016 гг. привели к падению индексов ВРП. При этом следует отметить, что в структуре региональных факторов доминировали именно особенности хозяйства регионов, а не региональных структур производства.

СДВИГИ В СТРУКТУРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Промышленное производство традиционно считается основным драйвером экономического роста, способным обеспечить его высокие темпы. Результаты оценки сдвигов в структуре отгруженной продукции промышленности[6] за период 2005–2014 гг. показали, что в отличие от структуры ВДС для промышленности абсолютного доминирования общенациональных трендов не отмечается, хотя их влияние значительно, причем для промышленности в целом вклад в совокупный темп роста общенациональных трендов больше, чем для обрабатывающих производств. Для обрабатывающих отраслей положитель-

[6] Структура промышленности оценивалась в разрезе 13 агрегированных ВЭД: два ВЭД в добыче полезных ископаемых, 10 ВЭД в обработке, энергетика представлена одним агрегированным видом деятельности.

ный вклад фактора региональной структуры обеспечивался в регионах с высокой долей быстрорастущих отраслей (в текущих ценах): пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, транспортного машиностроения, производства машин, электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Общая ситуация изменяется при анализе периодов интенсивного экономического роста и стагнации (табл. 2). В первом случае, когда среднегодовой прирост производства обрабатывающих отраслей по России в целом составлял 8,8%, темпы роста обработки в Центральном, Южном, Северо-Кавказском федеральных округах были существенно выше среднероссийских, что обеспечивалось за счет доминирования в структуре регионального производства быстрорастущих отраслей. Аналогичным образом невысокие темпы роста обрабатывающих производств в Приволжском, Уральском, Сибирском округах

Таблица 2

Вклад национального и региональных факторов в показатели прироста отгруженной продукции обрабатывающих производств в федеральных округах*

Федеральный округ	Прирост в 2007 по сравнению с 2005 за счет					Прирост в 2016 по сравнению с 2013 за счет				
	NS	MS+RS	MS	RS	Всего	NS	MS+RS	MS	RS	Всего
ЦФО	50,2	10,5	24,0	–13,5	60,7	22,0	–5,0	0,9	–5,9	17,0
СЗФО	50,2	–6,5	13,3	–19,7	43,7	22,0	1,7	0,1	1,5	23,6
ЮФО	50,2	2,5	8,7	–6,2	52,6	22,0	14,7	1,3	13,4	36,7
СКФО	50,2	–3,4	53,9	–57,3	46,8	22,0	7,7	4,0	3,7	29,7
ПФО	50,2	–6,0	–3,6	–2,4	44,2	22,0	–2,0	–4,0	2,0	20,0
УрФО	50,2	2,2	–29,7	32,0	52,4	22,0	2,2	1,5	0,7	24,2
СФО	50,2	–7,4	–44,0	36,6	42,8	22,0	3,6	2,3	1,3	25,6
ДВФО	50,2	–20,5	52,6	–73,1	29,7	22,0	10,9	1,9	8,9	32,9

* Результаты расчетов представлены в текущих ценах, поскольку дефляторы по отраслям промышленности по регионам Росстатом не публикуются.

Источник: расчеты автора.

были обусловлены менее эффективной с точки зрения соотношения быстро и медленно растущих отраслей по сравнению с общенациональной структурой обработки.

В условиях низких темпов роста динамика обрабатывающих производств значительно дифференцировалась даже на уровне федеральных округов. Индекс производства в обработке по России составил в 2016 г. 96,6% по отношению к 2013 г., падение производства отмечалось в Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, при этом в Южном и Северо-Кавказском округах среднегодовой темп прироста производства в обработке находился на уровне 4%.

Расчет вклада факторов в динамику обрабатывающих производств проводился в текущих ценах. Межрегиональные различия цен можно отнести к числу региональных особенностей, они неявным образом учтены во вкладе фактора RS.

Для условий высоких и низких темпов роста различно соотношение структурных факторов. При низких темпах вклад региональных факторов был положительным во всех федеральных округах, кроме крупнейших индустриальных центров – Центрального и Приволжского округов. Причем только в Приволжском округе особенности структуры обрабатывающих производств внесли отрицательный вклад в общую динамику, тогда как во всех остальных региональная структура «добавляла» к общему росту. Стабилизирующее значение для общей динамики в условиях низких темпов имели факторы региональной специфики, их вклад был отрицательным только для Центрального округа. Характерно, что при высоких темпах региональные факторы вносили положительный вклад лишь в Уральском и Сибирском округах.

Существенным фактором, определявшим региональную динамику, является изменение соотношений между различными группами обрабатывающих производств. В 2005–2007 гг. в условиях высоких темпов роста коэффициент диверсификации[7] обрабатывающих производств снизился во всех округах, кроме Северо-Западного, где его

[7] Коэффициентом диверсификации назван показатель, обратный коэффициенту Герфиндаля – Хиршмана [15; 17]. Значение коэффициента диверсификации увеличивается с ростом уровня диверсификации.

Таблица 3

Изменение структурных характеристик обрабатывающих производств в федеральных округах

Федеральный округ	Прирост в 2007 по сравнению с 2005					Прирост в 2016 по сравнению с 2013				
	Коэффициент диверсификации	Доля низкотехнологичных отраслей	Доля среднетехнологичных отраслей 1	Доля среднетехнологичных отраслей 2	Индекс производства обработки	Коэффициент диверсификации	Доля низкотехнологичных отраслей	Доля среднетехнологичных отраслей 1	Доля среднетехнологичных отраслей 2	Индекс производства обработки
ЦФО	–0,34	–7,4	–0,3	5,8	31,3	0,38	4,0	–8,1	2,0	3,8
СЗФО	0,01	–10,1	–14,3	18,0	23,9	0,31	5,8	–0,3	–5,7	–7,0
ЮФО	–0,01	–3,3	–13,6	17,1	47,6	–0,14	3,0	–2,1	–1,1	13,9
СКФО	–0,10	1,0	–7,2	3,1	56,2	–0,29	2,8	0,3	–4,1	13,2
ПФО	–0,03	–2,4	–7,2	7,1	20,2	0,39	3,2	–5,0	–0,1	1,6
УрФО	–0,23	–0,7	–44,9	47,2	27,6	–0,08	0,9	0,6	–1,1	3,8
СФО	–0,09	–1,2	–37,9	39,6	17,8	–0,03	0,5	–2,6	1,7	–2,7
ДВФО	–0,31	–2,8	–6,3	14,1	17,9	–0,24	7,2	–0,8	–5,5	–6,3

Источник: расчеты автора.

изменение было минимальным (табл. 3), т.е. производство стало более специализированным.

Тенденция повышения уровня специализации обрабатывающих производств сохранилась в большинстве округов в 2014–2016 гг., однако в крупнейших индустриальных центрах – Центральном, Северо-Западном, Приволжском округах структура обрабатывающих производств в 2016 г. по сравнению с 2013 г. стала более диверсифицированной. Прямой связи между изменением уровня диверсификации и темпами роста экономики ни в условиях экономического роста, ни в условиях стагнации не прослеживается. В Сибирском и Дальневосточном округах повышение уровня специализации в обрабаты-

вающих производствах происходило на фоне падения темпов, в Южном и Северо-Кавказском округах, где были достигнуты самые высокие приросты производства, показатели диверсификации снизились.

Характерной чертой изменения структуры обрабатывающих производств в условиях низких темпов роста экономики является снижение технологического уровня производства[8]. В структуре обрабатывающих производств во всех федеральных округах увеличилась доля низкотехнологичных производств (производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; текстильное, швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; обработка древесины и производство изделий из дерева). Во всех округах, кроме Центрального и Сибирского, уменьшилась доля среднетехнологичных производств высокого технологического уровня (производство машин, транспортных средств и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования).

Таким образом, диверсификация производства в регионах, с макроэкономической точки зрения понимаемая как более равномерное распределение занятости и производства между видами деятельности, не стала существенным фактором общеэкономической динамики в регионах.

Диверсификация экономики регионов как направление структурной политики является скорее средством для решения комплексных проблем в развитии регионов, а не фактором стимулирования экономического роста. Как положительное, так и отрицательное влияние диверсификации может проявляться в различных сферах регионального хозяйства, поэтому рассматривать ее результаты следует не столько с макроэкономических позиций, сколько с позиций решения собственных проблем в развитии каждого отдельного региона в зависимости от сложившейся в нем структуры производства и занятости, от включения в цепочки добавленной стоимости, от оценки возможных рынков для новых производств.

Анализ структуры создаваемой ВДС и промышленного производства показывает, что в условиях низких темпов роста, в которых стра-

[8] Расчеты сделаны на основе классификации отраслей по их технологическому уровню, предложенной в ИНП РАН [9].

на фактически находится после 2008 г., изменения отраслевых структур минимальны и являются преимущественно результатом адаптации к внешним условиям, а не целенаправленной структурной политики. Процесс деиндустриализации экономики остановился, однако во всех федеральных округах технологический уровень промышленного производства снизился. Существенные структурные сдвиги произошли в условиях высоких темпов роста, причем последние были обеспечены в том числе и изменением структуры производства.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Отраслевые приоритеты научно-технологического развития страны закреплены во множестве принятых Правительством РФ документов, а также в документах, разработанных в рамках реализации федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». К их числу во всех документах отнесены развитие обрабатывающих производств и высокотехнологичного сектора экономики.

Практически все документы, определяющие отраслевые приоритеты структурной политики, не имеют территориального разреза и не нацелены на решение проблем пространственного развития. Аналогичным образом официально провозглашенные цели устойчивого, сбалансированного пространственного развития и сокращения межрегиональных различий слабо скоординированы с предлагаемыми направлениями структурной политики.

«Концентрированным выражением» взаимосвязи проводимых структурной политики и региональной политики являются территориально-отраслевые пропорции распределения инвестиций в основной капитал. В инвестициях в основной капитал, накопленных в стране за 2004–2016 гг., доминируют инвестиции в наиболее капиталоемкую отрасль – транспорт (21%). Сравнимы с ними по удельному весу инвестиции в добычу полезных ископаемых (14,4%), которые почти в полном объеме представляют инвестиции в добычу топливно-энергетических ресурсов (13% от общего объема накопленных инвести-

ций), в обрабатывающие производства (14,9%), а также в операции с недвижимым имуществом.

Тем не менее в периоды интенсивного экономического роста отмечалось увеличение удельного веса приоритетных отраслей. В структуре инвестиций за 2004–2007 гг. доля инвестиций в обрабатывающие производства, отрасли социальной сферы (образование и здравоохранение) выше, чем средние за весь период показатели; наоборот, доля инвестиций в добычу полезных ископаемых и операции с недвижимым имуществом ниже. Для периода низких темпов, характерных для 2014–2016 гг., в структуре инвестиций увеличивается доля наиболее конкурентоспособных отраслей – топливно-энергетического комплекса и операций с недвижимостью за счет сокращения долей заявленных приоритетными обрабатывающих производств и социальной сферы.

Отраслевая и региональная структура инвестиций довольно устойчива, т.е. существуют некоторые территориально-отраслевые рамки для распределения инвестиций. Они не абсолютны, но тем не менее наращивание объемов инвестиций в конкретный регион с точки зрения долгосрочного периода связано с определенными отраслевыми пропорциями инвестирования.

В структуре накопленных за период 2000–2016 гг. инвестиций в основной капитал более 40% пришлось на два федеральных округа: Центральный и Уральский (табл. 4). Из накопленных инвестиций 13,5% было направлено в Москву и Московскую область, 14,8% – в Тюменскую область вместе с автономными округами. В подушевом выражении максимальный объем накопленных инвестиций также пришелся на Уральский и Дальневосточный федеральные округа. Показатель Уральского округа определялся инвестициями в экономику Тюменской области, в которой подушевой показатель превысил среднее по стране значение в 6,3 раза. Самыми недоинвестированными регионами оказались Северо-Кавказский округ (26,9% от среднедушевого показателя по России) и нестоличные регионы Центрального округа (69,8% от среднего по стране). Низкий по сравнению со среднероссийским уровень накопленных инвестиций был в Сибирском и Приволжском округах.

Таблица 4

Пространственная структура накопленных инвестиций в основной капитал за 2000–2016 гг. по источникам финансирования и отношение среднедушевых инвестиций в федеральных округах к средним по РФ (в сопоставимых ценах), %

Федеральный округ	Структура накопленных инвестиций				Отношение среднедушевых инвестиций к среднему по РФ			
	Инвестиции, всего	Из федерального бюджета	Из региональных и муниципальных бюджетов	Из внебюджетных источников	Инвестиции, всего	Из федерального бюджета	Из региональных и муниципальных бюджетов	Из внебюджетных источников
ЦФО	23,3	23,9	39,4	21,3	87,6	89,7	148,2	80,1
СЗФО	12,9	15,5	9,1	13,1	129,5	156,0	91,4	131,4
ЮФО	8,1	11,9	4,3	8,2	81,5	120,2	43,8	82,1
СКФО	1,7	6,0	1,9	1,3	26,9	93,7	29,1	19,9
ПФО	16,7	16,1	15,9	16,8	79,4	76,4	75,4	80,1
УрФО	19,4	5,3	17,4	21,0	228,4	62,6	205,0	247,9
СФО	11,0	11,0	7,3	11,4	81,1	81,4	54,2	84,3
ДВФО	7,0	10,3	4,7	6,9	157,2	231,7	105,8	155,8
РФ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты автора.

Критерии пространственного распределения инвестиций зависят от источника финансирования. Структура инвестиций из федерального бюджета определяется в соответствии с общенациональными приоритетами, собственно региональные приоритеты реализуются за счет инвестиций из региональных и муниципальных бюджетов. Формально критерием распределения инвестиций из внебюджетных источников является коммерческая эффективность инвестиций, однако значительную долю внебюджетных инвестиций составляют инвестиции

госкомпаний, которые, по сути, являются государственными инвестициями, т.е. их пространственное распределение должно быть подчинено реализации общенациональных приоритетов.

С позиции фактического распределения приоритетными для федерального бюджета оказались инвестиции в экономику Северо-Западного, Южного и Дальневосточного федеральных округов, доля которых в инвестициях из федерального бюджета существенно выше доли суммарных и внебюджетных инвестиций. Во всех трех округах реализовывались крупные инфраструктурные и имиджевые проекты.

До 2009 г. доля инвестиций из региональных и муниципальных бюджетов в суммарных инвестициях превышала долю инвестиций из федерального бюджета. В дальнейшем доля региональных бюджетов последовательно снижалась, в бюджетах большинства регионов инвестиционные программы сведены к минимуму. В структуре накопленных инвестиций из региональных бюджетов почти 40% составляют инвестиции в Центральный федеральный округ. В реальности это инвестиции из московского бюджета. Более чем в 2 раза выше среднероссийского уровня среднедушевые инвестиции из региональных бюджетов в Уральском округе, что определяется бюджетами нефтегазодобывающих автономных округов и Тюменской области.

В отраслевой структуре распределения инвестиций в федеральных округах доминируют инвестиции в транспорт и добычу полезных ископаемых. Доля инвестиций в обрабатывающие производства значительна только в Приволжском и Центральном округах. Характерно, что наиболее высока доля инвестиций в транспорт в западных регионах страны, где уровень транспортной доступности выше, чем в восточных. В структуре инвестирования в восточных регионах преобладают инвестиции в добычу полезных ископаемых.

Таким образом, реальная структура инвестиций в большей мере соответствует сложившейся экспортно-сырьевой модели развития, чем заявленным приоритетам научно-технологического развития. В условиях ужесточения ресурсных ограничений в 2014–2016 гг. на фоне сокращения объемов инвестиций приоритетом инвестирования остались конкурентоспособные проекты в добывающих отраслях, а также в операциях с недвижимым имуществом. Их доля в общей структуре

увеличилась за счет снижения удельного веса транспорта, обрабатывающих производств и социальной сферы.

Высокий уровень концентрации инвестиций в ограниченном количестве регионов стимулировал (либо поддерживал) экономический рост в них, однако он не смог обеспечить высоких и устойчивых темпов роста национальной экономики в неблагоприятных внешних условиях. Более того, политика инвестирования не нацеливалась на активное использование пространственных факторов экономического роста и устранение диспропорций регионального развития.

ОЦЕНКА ВКЛАДА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОВЫШЕНИЕ ТЕМПОВ РОСТА

Большинство направлений и задач социально-экономического развития России, сформулированных в Указе-2018, предлагались в работах [12; 13], а также выдвигались в ходе дискуссий, посвященных поиску источников экономического роста [1–3; 6; 14]. Предлагавшиеся меры для решения указанных задач обеспечиваются в том числе и целенаправленной структурной политикой. В числе национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. обозначены вхождение отечественной экономики в пятерку крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности.

Прогнозы развития мировой и российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе представлены рядом международных и российских организаций [8; 20; 21]. Среднегодовые темпы роста мировой экономики оцениваются на уровне 3,7–3,8% [8][9], т.е. для достижения поставленных целей темпы роста российской экономики должны составлять как минимум 3,9–4%. Очевидно, что инерционные варианты прогнозов, предполагающие рост на уровне 1–2%,

[9] В работе [8] среднегодовые темпы прироста ВВП мировой экономики по ППС 2014 г. прогнозировались на уровне 3,8% в 2015–2020 гг. и 3,9% в 2021–2025 гг., России – соответственно на уровне 2,5 и 3,5%. Минэкономразвития России в среднесрочном прогнозе исходило из темпов роста мировой экономики 2,8%.

задачи, поставленные в Указе-2018, решить не могут. В оптимистических вариантах среднесрочных прогнозов рост российской экономики даже с учетом ее послекризисного восстановления также оценивается невысоко.

Выход на мировые темпы роста ВВП предполагался в целевом варианте прогноза Минэкономразвития России на 2018–2020 гг., в котором темпы роста ВРП составляли 2,2% в 2018 г., 2,6% в 2019 г., 3,1% в 2020 г. (реальный рост ВВП составил 1,5% в 2017 г. и оценивается в 1,9% в 2018 г.). В прогнозе МЭР на 2019 г. и плановый период 2020 и 2021 гг.[10], учитывающем комплекс мероприятий по реализации Указа-2018, предполагается, что рост экономики, близкий к среднемировому уровню 3,1–3,3%, возможен только в 2021–2024 гг. при выполнении ряда условий, включая перераспределение расходов в пользу инвестиционных.

Альтернативные прогнозы, разработанные исходя из условий 2017 г. и ожиданий 2018 г., содержат более оптимистичные гипотезы относительно ресурсных ограничений и, соответственно, предполагают более высокие по сравнению с базовым вариантом МЭР показатели экономической динамики.

В базовом сценарии среднесрочного прогноза Внешэкономбанка на 2018–2021 гг.[11] предполагается постепенный рост, отстающий от мировой динамики. Вариант в целом соответствует консенсус-прогнозу на среднесрочную перспективу, который ориентируется на темпы роста ВВП на уровне 1,6–1,7% в год. При этом по самому оптимистичному прогнозу ежегодный рост российской экономики не превышает 1,8% в ближайшие три года.

Вместе с тем в прогнозе отмечается наличие потенциала значительного ускорения роста российской экономики – как минимум до 3–4% в год, а также определены условия реализации потенциала рос-

[10] См.: *Нетреба П.* Экономика России: год потерпите, потом все будет хорошо. Минэкономики представило обновленный макропрогноз на 2019–2024 годы. – URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/07/04/11825713.shtml .

[11] См.: *Прогноз* экономического развития России на 2018–2021 гг. Март 2018 г. Внешэкономбанк. – URL: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/macro/pr201803__tx.pdf .

та. Ускорить рост экономики позволят осуществление пакета социальных и инфраструктурных мер, включенных в Указ-2018, а также структурный маневр в пользу развития инфраструктуры, здравоохранения, образования и науки.

В актуальных версиях среднесрочного прогноза ИНП РАН[12] в 2018 г. предполагаемый темп прироста ВВП составит 1,8%, в 2019 г. – 2,1%, в 2020 г. – 2,2%. Темпы роста потребления домашних хозяйств в 2018–2019 гг. превысят темпы роста ВВП. Прогноз также предполагает темпы роста накопления основного капитала, превышающие темпы роста потребления домашних хозяйств и ВВП, при этом ИНП РАН также оценивает потенциал роста в российской экономике как значительный.

Из анализа прогнозов на среднесрочную перспективу следует, что существенного изменения траектории развития и структурных параметров российской экономики до 2021 г. не ожидается, поскольку основные проблемы, препятствующие росту, не устранены. Амбициозные цели и задачи долгосрочного развития, сформулированные в Указе-2018, пока не трансформировались в конкретные решения в области экономической политики. С учетом высокой инерции принятия решений в государственном аппарате, еще более высокой инерционности самой экономической системы, а также нелинейного характера ее откликов на принимаемые меры экономической политики существенное ускорение экономического роста произойдет, если все необходимые условия для него будут созданы, после 2020 г.

Более оптимистичны прогнозы развития российской экономики на долгосрочный период, в том числе в оценках периода 2021–2024 гг. В целевом варианте долгосрочного прогноза МЭР[13] предполагается, что меры Правительства РФ, направленные на устранение имеющихся ограничений, создадут условия для роста отечественной экономики темпами, не меньшими, чем среднемировые. Последние в прогнозе МЭР оцениваются гораздо ниже, чем в упоминавшихся выше работах.

[12] См.: *Квартальный* прогноз. Выпуск № 41. ИНП РАН, 25 мая 2018. – URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vypusk-41/ .

[13] Сценарные условия и основные параметры долгосрочного прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г. были представлены Минэкономразвития России в 2017 г.

Темпы прироста ВВП в целевом варианте в 2021–2025 гг. предполагаются на уровне 3,1%, среднегодовой прирост реальных денежных доходов населения составит 2,2%. Основным фактором роста станет повышение инвестиционной активности как за счет реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов с государственным участием, так и за счет активизации частных инвестиций.

В целевом варианте прогноза до 2035 г. Внешэкономбанка темпы прироста ВВП в 2021–2025 гг. предполагаются на уровне 4%, среднегодовой прирост реальных денежных доходов населения составит 4,5%. Достижение указанных параметров потребует существенного увеличения инвестиций, среднегодовой рост которых в указанный период составит 9%, и доли накопления в ВВП.

Схожие оценки даются в долгосрочном прогнозе ИНП РАН [13]: предполагаемый темп прироста ВВП в 2021–2025 гг. составит 4,9%, прирост потребления населения – 4,4%, рост инвестиций – 8,7%. Ключевой вклад в экономический рост в период 2017–2025 гг. вносят инвестиции в основной капитал. Необходимым условием ускорения роста в 2017–2025 гг. является поддержание положительной динамики спроса населения. Особенно возрастает роль этого фактора в период 2021–2025 гг., когда может произойти исчерпание потенциала наращивания экспорта на существующих производствах.

Возможности достижения целевых показателей Указа-2018 по темпам роста обоснованы в целевых вариантах долгосрочных прогнозов, предполагающих активную экономическую политику. Поскольку в условиях высоких темпов роста региональная динамика определяется общенациональными трендами, это дает основание полагать, что после 2020 г. рост будет транслироваться на экономику регионов. С другой стороны, сложившаяся региональная структура распределения инвестиций, в которой доминируют столичные агломерации и нефтегазодобывающие регионы, не позволит активизировать региональные факторы роста, в связи с чем возникают особые требования к региональным аспектам структурной политики.

Региональную структурно-инвестиционную политику предлагается формировать как селективную политику и использовать ее как инструмент для стимулирования экономического роста на уровне регио-

нов путем формирования перспективной территориальной структуры производства, распределения трудовых и инвестиционных ресурсов [12].

Оценки параметров социально-экономического развития федеральных округов на период до 2024 г., предполагающие реализацию мер структурно-инвестиционной политики [10; 12] и выполнение приоритетных задач Указа-2018 (стабильный рост доходов населения, развитие жилищного строительства, увеличение затрат на образование, здравоохранение, науку), показывают, что целевые установки указа по темпам роста национальной экономики могут быть достигнуты даже при условии относительно невысоких темпов в 2019–2021 гг. За счет реализации мер структурно-инвестиционной политики, включая ее региональные приоритеты, могут быть обеспечены среднегодовые приросты суммарного валового регионального продукта к 2024 г.

Таблица 5

Среднегодовые темпы прироста ВРП при реализации структурной политики, %

Федеральный округ	Консервативный вариант				Вариант реализации структурно-инвестиционной политики			
	ВРП		Реальные доходы		ВРП		Реальные доходы	
	2019–2021	2022–2024	2019–2021	2022–2024	2019–2021	2022–2024	2019–2021	2022–2024
ЦФО	1,8	1,9	2,4	2,4	2,6	3,9	3,1	3,6
СЗФО	2,0	2,1	3,2	3,3	3,2	4,1	3,9	4,5
ЮФО	1,8	1,9	2,7	2,7	3,0	4,3	3,4	4,0
СКФО	3,4	3,5	4,1	4,1	3,4	4,9	4,8	5,4
ПФО	2,0	2,0	2,4	2,4	2,9	4,1	3,1	3,6
УрФО	1,3	1,4	2,2	2,3	2,7	3,3	2,9	3,5
СФО	1,7	1,7	2,3	2,3	3,1	4,2	5,0	5,6
ДВФО	2,1	2,1	3,2	3,2	3,1	4,3	3,9	4,4
РФ	1,8	1,9	2,6	2,6	2,9	4,0	3,5	4,1

Источник: расчеты автора.

на 2,1 п.п. выше, чем в инерционном сценарии, суммарного потребления домашних хозяйств – на 1,5 п.п. (табл. 5).

Пространственно-отраслевая структура экономики, предполагаемая при реализации структурно-инвестиционной политики, обеспечивает к 2024 г. выход на темпы роста суммарного по стране ВРП, незначительно, но тем не менее превышающие среднемировые, и устойчивый рост экономики в последующем. Прогнозируются достаточно высокие темпы роста экономики всех макрорегионов. Отставание от средних темпов роста ВРП в Центральном федеральном округе будет определяться сохранением в округе доминирующих позиций столичной агломерации, где высок базовый уровень прогнозных показателей и ограничены возможности существенного наращивания производства, а в Уральском округе – сокращением производства в добывающих отраслях при умеренном росте производства в отраслях обрабатывающих и сервисных.

* * *

Региональная структурно-инвестиционная политика является одним из инструментов стимулирования экономического роста, и использовать этот институт предполагается путем формирования перспективной территориальной структуры производства, распределения трудовых и инвестиционных ресурсов. Это не исключает формирования институциональной среды, поддерживающей рост, и проведения эффективной региональной политики.

Анализ сдвигов в пространственно-отраслевой структуре экономики в разрезе крупных макрорегионов и агрегированных видов экономической деятельности показал, что региональная динамика находится под сильным влиянием общенациональных трендов, что сильно ограничивает возможности реализации региональной структурной политики.

В условиях низких темпов экономического роста структурные изменения скорее подавляют рост, чем стимулируют его. К примеру, в условиях стагнации снизился технологический уровень производства. Для роста экономики необходима модернизация структуры про-

изводства, а с другой стороны, новая структура может сложиться только в условиях роста.

В большинстве источников перспективы развития экономики России в среднесрочном периоде оцениваются весьма скромно, существенного изменения траектории развития и структурных параметров российской экономики до 2021 г. не прогнозируется, поскольку основные проблемы, препятствующие росту, не устранены. Однако расчеты показывают, что при реализации приоритетов и осуществлении мер структурно-инвестиционной политики формируемая пространственно-отраслевая структура экономики обеспечивает к 2024 г. выход на темпы роста суммарного по стране ВРП, близкие к среднемировым, и устойчивый рост экономики в дальнейшем.

Список источников

1. *Аганбегян А.Г.* Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 8–29.

2. *Аганбегян А.Г.* Новая модель экономического роста России // Управленческое консультирование. – 2016. – № 1 (85). – С. 31–46.

3. *Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Ясин Е.Г.* Российская экономика: от трансформации к развитию: Доклад к XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апреля 2018 г. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2018. – 55 с.

4. *Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.* Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 5–35.

5. *Восстановление* экономического роста в России: Научный доклад. – М.: ИНП РАН, 2016. – 32 с.

6. *Клепач А.Н.* Структурные факторы экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 207. – С. 210–228.

7. *Клепач А.Н.* Уроки современных кризисов для экономического развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – Т. 26, № 2. – С. 210–218.

8. *Мир* 2035. Глобальный прогноз / Под ред. акад. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2017. – 352 с.

9. *Перспективы* развития экономики России: прогноз до 2030 года / Под ред. В.В. Ивантера, М.Ю. Ксенофонтова. – М.: Анкил, 2013. – 408 с.

10. *Региональные* аспекты долгосрочной экономической политики / Богомолова Т.Ю., Ершов Ю.С., Крюков В.А. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – 69 с.

11. *Система* мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1. – С. 3–9.

12. *Структурно-инвестиционная* политика в целях обеспечения экономического роста в России / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант, 2017. – 196 с.

13. *Структурная* политика в России: новые условия и возможная повестка: Тез. докл. на XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2018. – 32 с.

14. *Экономический* рост в мире и России: «новая нормальность». – URL: http://stolypin.institute/institute/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskiy-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost (дата обращения: 06.02.2018).

15. *Economic* Diversification in the GCC: The Past, the Present, and the Future. IMF. 2014. – URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1412.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

16. *Esteban J*. Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis // Regional Science and Urban Economics. – 2000. – No. 30 (3). – P. 353–364.

17. *Gelb A*. Economic Diversification in Resource Rich Countries. IMF. 2010. – URL: https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2010/afrfin/pdf/Gelb2.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

18. *Herzog H.W., Olsen R.J*. Shift-share analysis revisited: The allocation effect and the stability of regional structure, a reply // Journal of Regional Science. – 1979. – No. 19. – P. 393–395.

19. *Knudsen D.C*. Shift share analysis: further examination of models for the description of economic change // Socio-Economic Planning Sciences. – 2000. – No. 34 (3). – P. 177–198.

20. *Long-term* Macroeconomic Forecasts. Key Trends to 2050. A Special Report from The Economist Intelligence Unit. The Economist Intelligence Unit Limited 2015. – URL: http://pages.eiu.com/rs/783-XMC-194/images/Long-termMacroeconomicForecasts_KeyTrends.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

21. *The World* in 2050. How will the global economic order change by 2050? PricewaterhouseCoopers. February 2017. – URL: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf. (дата обращения: 16.06.2018).

Информация об авторе

Михеева Надежда Николаевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Москва, Д-418, Нахимовский просп., 47, e-mail: mikheeva_nn@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20180402

Region: Economics & Sociology, 2018, No. 4 (100), p. 42–68

N.N. Mikheeva

MACROECONOMIC EFFECTS OF STRUCTURAL SHIFTS IN ECONOMY OF REGIONS

The article analyzes approaches to defining the structural policy and its regional aspects. We estimate the impact of shifts in employment and production branch structure on the macroeconomic indicators in macroregions (federal districts) during intensive economic growth and stagnation. We predict how macroregions will develop along the new structural and investment policy. The main hypothesis is that focusing on regional priorities of structural and investment policy and their implementation can ensure an increase in economic growth rates, including reaching the ones expected in the Presidential Decree of May 7, 2018, by 2024. The research methodology is based on shift-share analysis and estimated diversification factors. We use interregional structural-dynamic models to forecast macroeconomic parameters of regional development. Estimating the factor contribution to GRP dynamics and manufacturing industries shows that the national factors take a dominant lead for the period of high growth rates. During stagnation, the contribution of regional factors increases. An analysis of manufacturing industries structure does not reveal any correlation between change in the level of diversification and economic growth rates, neither under economic growth conditions, nor in stagnation. Structural shifts in development are accompanied by a decline in the technology level of production at low growth rates. The article shows that proportions of spatial industrial distribution of investment accumulated in the economy since 2000, formed by an established raw-material export economic model, do not correspond to the priorities in the country's contemporary development. We define the priorities of structural and investment policy which, when implemented, will ensure growth rates exceeding the world average by 2024 and sustained economic growth in the future.

Keywords: structural policy; economic growth; shift-share analysis; diversification of production structure; regional priorities of structural policy; economic forecast for federal districts

References

1. *Aganbegyan, A.G*. (2017). Kakoy kompleksnyy plan do 2025 goda nuzhen Rossii? [What Package Plan up to 2025 does Russia need?]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], Vol. 12, No. 4, 8–29.

2. *Aganbegyan, A.G*. (2016). Novaya model ekonomicheskogo rosta Rossii [New model of economic growth of Russia]. Upravlencheskoe konsultirovanie [Managerial Consultation], 1(85), 31–46.

3. *Akindinova, N.V., V.A. Bessonov* & *E.G. Yasin.* (2018). Rossiyskaya ekonomika: ot transformatsii k razvitiyu: doklad k XIX Aprelskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 10–13 aprelya 2018 g. [The Russian Economy: From Transformation to Development Report for the XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow, April 10–13, 2018]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 55.

4. *Akindinova, N.V., Ya.I. Kuzminov* & *E.G. Yasin.* (2016). Ekonomika Rossii: pered dolgim perekhodom [Russia's economy: Before the long transition]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 6, 5–35.

5. *Vosstanovlenie* ekonomicheskogo rosta v Rossii. Nauchnyy doklad [Restoring Russia's Economic Growth]. (2016). Moscow, Institute of Economic Forecasting RAS Publ., 32.

6. *Klepach, A.N*. (2017). Strukturnye faktory ekonomicheskogo rosta [Structural factors of the economic growth]. Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Papers of the VEO of Russia], Vol. 207, 210–228.

7. *Klepach, A.N*. (2015). Uroki sovremennykh krizisov dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Lessons from modern crisis for economic development in Russia]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], Vol. 26, No. 2, 210–218.

8. *Dynkin, A.A.* (Ed.). (2017). Mir 2035. Globalnyy prognoz [2035 World. Global Forecast]. Moscow, Magistr Publ., 352.

9. *Ivanter, V.V.* & *M.Yu. Ksenofontov* (Eds.). (2013). Perspektivy razvitiya ekonomiki Rossii: prognoz do 2030 goda [Prospects of Russia's Economic Development: Forecast up to 2030]. Moscow, Ankid Publ., 408.

10. *Bogomolova, T.Yu., Yu.S. Ershov, V.A. Krykov et al*. (2018). Regionalnye aspekty dolgosrochnoy ekonomicheskoy politiki: nauchnyy doklad [Regional Aspects of Long-Term Economic Policy: Academic paper]. Institute of Economic Forecasting RAS Publ., Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 69.

11. *Sistema* mer po vosstanovleniyu ekonomicheskogo rosta v Rossii [System of measures to recovery of economic growth in Russia]. (2018). Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 1, 3–9.

12. *Ivanter, V.V.* (Ed.). (2017). Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii: monografiya [Structural and Investment Policy to Provide for Economic Growth in Russia]. Moscow, Nauchnyy konsultant Publ., 196.

13. *Strukturnaya* politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka: tez. dokl. na XIX Apr. mezhdunar. nauch. konf. Po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 10–13 apr. 2018 g. [Structural Policy in Russia: New Conditions and a Possible Agenda, which closed out HSE's XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow, April 10–13, 2018]. (2018). Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 32.

14. *Ekonomicheskiy* rost v mire i Rossii: «novaya normalnost» [Economic Growth in the World and Russia: The «New Normality»]. (2018). Available at: http://stolypin.institute/institute/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskiy-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost/ (date of access: 06.02.2018).

15. *Economic* Diversification in the GCC: The Past, the Present, and the Future. (2014). IMF. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1412.pdf (date of access: 10.06.2018).

16. *Esteban, J*. (2000). Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis. Regional Science and Urban Economics, No. 30(3), 353–364.

17. *Gelb, A*. (2010). Economic Diversification in Resource Rich Countries. IMF. Available at: https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2010/afrfin/pdf/Gelb2.pdf (date of access: 16.04.2018).

18. *Herzog, H.W*. & *R.J. Olsen*. (1979). Shift-share Analysis Revisited: The allocation effect and the stability of regional structure, a reply. Journal of Regional Science, 19, 393–395.

19. *Knudsen, D.C*. (2000). Shift Share Analysis: further examination of models for the description of economic change. Socio-Economic Planning Sciences, No. 34(3), 177–198.

20. *Long-term* macroeconomic forecasts. (2015). Key trends to 2050. A special report from The Economist Intelligence Unit. The Economist Intelligence Unit Limited 2015. Available at: http://pages.eiu.com/rs/783-XMC-194/images/Long-termMacroeconomicForecasts_KeyTrends.pdf (date of access: 16.04.2018).

21. *The World* in 2050. (2017). How will the global economic order change by 2050? PricewaterhouseCuppers. February. Available at: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf. (date of access: 16.06.2018).

Information about the author

Mikheeva, Nadezhda Nikolaevna (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky av., D-418, Moscow, 117418, Russia, e-mail: mikheeva_nn@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 17.09.2018 г.